



Медные трубы Алексея Ивановича

На экраны страны вышла кинокартина «Последний побег», снятая на киностудии «Ленфильм». Наш корреспондент В. Хилтунен попросил ответить на несколько вопросов народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии и Государственной премии РСФСР М. А. УЛЬЯНОВА, сыгравшего в фильме главную роль.

кой школы, становится грустно, а тут ведь каждый год все новые и новые судьбы, искалеченные уже у самого корня, растущие кривь и акось, исковерканные надолго, а то и вовсе безнадежно...

И вот тут-то и проживает старик, инвалид войны, которого хватает на всех,— будто мальчишка, он вечно встревает в то, что никак его не касается лично, говорит слова, за которые ему явно достанется, всерьез, со всей яростной энергией прихотливает к искусству своему парней, которые смотрят исподлобья и на него, и на эти его медные трубы. Он не судит их, не занимается никакой такой особой педагогикой. Он становится тем человеком, которым не стали для этих ребят ни отцы их, ни матери. Душа не может вырасти, если кто-то не поливает ее слезами доброжелательства, если не овеивает она ветрами дружбы и любви...

— Расскажите подробнее о своем герое...

— Мне довелось вести долгие разговоры с «прообразом» Алексея Ивановича Кустова, который — так уж захотел сценарист — носит то же имя, отчество и фамилию. Он работает в городе Сланцы Ленин-

градской области в точно такой же школе, какая показана в фильме, он едва не каждый год остается на развалинах великолепного своего оркестра, провожая этих трубочек на волю. Он заранее знает, что никакие концертные залы не услышат, не оценят того, что он делает. И вообще он бы мог относиться к работе своей не столь взыскательно, но он так, понимаете, не может, не умеет, не хочет. Он не из породы «умников», которые никогда не делают лишнего движения, если за ним не стоит выгода — прямая или косвенная, деньги или слава... И не надо утешать себя тем, что таких у нас мало — не мало их, вовсе не мало. И оправданий они найдут множество — жизнь усложнилась, время донкихотов прошло, да и чем, собственно, кончились все потуги чудачков исправить пороки, излечить недуги? Таким людям не откажешь в логике, но солью земли они быть не могут, не дано им этого. А Алексею Ивановичу — дано. Нескладному, старому, больному, который и с женой-то собственной не умеет жить в ладу, потому что требует от нее столь же много, сколь собственная совесть требует от него самого. И вот этому-то больному и несклад-

ному удастся на самом краю пропасти удержать совсем пропащего, который матери в тягость, отца не знает, верить никому не собирается...

— Удастся, но ведь ценой собственной жизни, так? Не слишком ли велика плата за спасение мальчонки, который еще неизвестно чем обрадует окружающих?

— Да, поступки этих ребят непредсказуемы. Многим из них живется в спецшколе лучше, чем дома: у них есть чистые простыни, одежда, еда, они до парты наконец-таки добираются, их учат. Но приходит время, и они снова попадают в те же семьи, в ту же среду, откуда их вырвали, — и вот уже все идет по заколдованному кругу. Бывший «трудный подросток» становится «трудным взрослым». Плохим отцом, мужем, работником. Два страшных эпизода связаны у меня со съемками «Последнего побег». Я попросил ортопедов сделать мне железную пшину на ногу, чтобы не нужно было «изображать» инвалидность. Когда пшина была готова, меня повели по детским палатам, в которых лежали маленькие калеки. Они не были жертвами каких-нибудь происшествий, если, конечно, не считать несчастным случаем то, что родились они у алкоголиков. Я не мог там находиться долго, это было выше моих сил. А второй эпизод, который, видимо, так и не уйдет никогда из памяти: солнечный день под Ленинградом, гуляющие дачники, щебетание детское, за оградой — так называемые подкидыши. Дети без родите-

лей. Слезы на глазах женщин из киносъемочной группы, конфетки из сумочек... Мы сталкиваемся с этим миром редко, случайно. А ведь тут в набат нужно бить...

— Михаил Александрович, наша газета старается привлечь внимание общественности к этим проблемам. Мы и рубрику специальную завели — «Твой младший брат» она называется, — в которой рассказываем о жизни ребяташек, волею обстоятельств живущих вне дома. Но, знаете, среди множества писем, которые присылают нам читатели, есть и письма от людей, которые сомневаются в целесообразности посылать студентов в детдома: мол, так ли уж обязательно видеть молодому человеку темные стороны жизни...

— Примерно такой же логики придерживаются и некоторые кинематографисты, которым кажется, что лучше делать красивые сказки — они убаюкивают. Но я думаю, что художник должен главной своей задачей ставить: разбудить совесть, если она дремлет. Показать жизнь во всей правде ее, пусть и неприглядной порой, — это значит стараться преодолеть недостатки. Удалось ли это в данном случае режиссеру Л. Менакеру, актерам, не мне судить, но я одно могу сказать с уверенностью: в тех прекрасных письмах, которые мы получаем, люди пишут о проблеме, предлагают пути решения ее, а это много важнее. Как бы ни играл актер, но если он нравственной задачи перед собой не ставит, грош цена такому, пусть самому талантливо сделанному произведению искусства.

— Михаил Александрович, за три десятка лет, что работаете Вы в кино, зритель привык к тому, что вокруг героев Ваших всегда кипят самые бурные страсти. Казалось, что Вам по душе ближе образы людей, находящихся в самой круговерти, принимающих на плечи свои всю тяжесть бед, неурядиц, несчастий эпохи. И вдруг Алексей Иванович Кустов — не военачальник, не общественный деятель, а просто старый трубочка, «энтузиаст художественной самодеятельности», как он сам себя величает. И работает он в заведении, находящемся пока не на самой столбовой дорожке педагогики, — в специальной школе со строгим режимом, куда направляются мальчишки, совсем уже отбившиеся от рук... Почему же Вы взяли за эту роль, столь отличную от прежних ролей?

— Роль действительно непривычная. И все же я за нее взялся — причем сразу же

после прочтения сценария Александра Галина. И считаю роль эту не менее важной, чем многие из ранее сыгранных. Если я скажу, что Алексей Иванович Кустов — современный Дон Кихот, это будет правда, но не вся. Потому что герою моему требуется в жизни мужество невероятное, такое, которое в литературе и кинематографе не часто описывалось. Сердце человека, имеющего каждодневное дело с изнаночной стороной людских биографий, непременно должно ожесточиться. Иначе оно не выдержит, принимая все новые и новые порции чужой беды. Особенно детской... Когда прочтешь хотя бы одно личное дело воспитанника та-